

манеж в «октябре» / manege in «octyabr»

УЛЬФ БРУНБЕРГ

Мы разбили четыре машины. Ну и что? В американских картинах разбивают по 20-30 штук

ULF BRUNNBERG

We crashed four cars. So what? In American films 20-30 cars are getting crashed in average

ТОМ ЮНГМАН

Это правильно, что в фильме нет полиции, потому что все хулиганы точно знают, куда и когда она может приехать

TOM LJUNGMAN

It is right that there're no policemen in the film, because all of the hooligans know exactly where and when they can appear

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

АЛЕКСАНДР КОТТ

Первый приказ об отступлении за годы войны немцы отдали в одиннадцать утра 22 июня 1941 года – немцы, которые без отступлений прошли по Европе, споткнулись именно здесь

ALEKSANDR KOTT

Germans gave the order of retreat for the first time in war at 11 AM of 22 June of 1941 – Germans who hadn't retreated while conquering Europe stumbled here

БЕРЛИН, БОКСАГЕНЕР ПЛАТЦ
BOHNAGENER PLATZ
стр. 3

ЛИВАН
LEVANON
стр. 4

ДОРОГАЯ ЭЛИС
FÖR KÄRLEKEN
стр. 4-5

РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, СЕМЬ
7X - LIKA BARN LEKA BÄST
стр. 5

ДНЕВНИК ВОЕННОСЛУЖАЩЕЙ
NWFOBWONGSAUI SUGI
стр. 5

Жюри/ Каролина Грушка

САМАЯ ОБАЯТЕЛЬНАЯ И ПРИВЛЕКАТЕЛЬНАЯ

Глядя на актрису Каролину Грушку, сразу вспоминаешь стихотворение Пушкина «Будрыс и его сыновья», где трое юношей, отправленные отцом на войну, предпочли привезти домой трех молодых полячек и сыграть три свадьбы: потому что «нет на свете царицы краше польской девицы». С Пушкиным связана и первая роль Грушки в российском кино, которое с того момента ее полюбило: в «Русском бунте» Александра Прошкина она сыграла Машу Миронову. Каролину Грушку и Матеуша Даменки, который играл Петрушу Гринева, режиссер, по его словам, выбрал за благородство, юную свежесть и опять же красоту, которые стали альтернативой войне, лжи и смерти. Вторая роль Грушки в российском кино была связана с теми же понятиями: в фильме Михаила Пташука «В августе 44-го» она играла подругу немецкого диверсанта, рыдавшую над телом любимого, и эти слезы были о том, что в войне смысла нет, и о том, что любовь всегда делает выбор за нас: решает не голова, а сердце.

Работы Грушки, даже совсем небольшие, всегда врезаются в память: будь то жена хирурга из незатейливого сериала «На пути к сердцу» или эпизодическая роль во «Внутренней империи» Дэвида Линча. Она легко преобразуется и в ангела, и в стерву, а иногда может быть и тем, и другим одновременно: как в фильме Ивана Вырыпаева «Кислород», где Грушка с Алексеем Филимоновым разыгрывали любовь двух очень далеких друг от друга людей с одинаковыми именами. И героиня польской актрисы «была вся сплошной кислород», «вела себя как актриса из художественного фильма про любовь» и умудрялась оставаться красивой в любых сюжетных обстоятельствах. Режиссер Иван Вырыпаев снял ее и в своей новелле в альманахе «Короткое замыкание», вышедшем в прокат в прошлом году – Каролина Грушка там играет иностранку, бродящую с камерой по Москве, которую встречный парень учит ощущать мир не головой, а сердцем. Но что заставляет мужчин братья за такие уроки? Все то же, что у Пушкина: «И как роза румяна, а бела, что сметана; очи светятся будто две свечки!»

Жанна Сергеева

KAROLINA GRUSZKA

Jury

When you look at the actress Karolina Gruszka the rhymes of Pushkin's poem "Budrys and his sons" come to mind: three young men, having been sent to war by their father, preferred to come back home with three young Polish girls and throw three marriages, because "there is no light at the Queen beautiful Polish girl". The first Gruszka's role in Russian cinema, which would love her ever since, also concerns Pushkin: in Aleksandr Proshkin's film "The Captain's Daughter" she played the part of Masha Mironova. The director later told that he chose Karolina Gruszka and Mateusz Damiecki who played Pyotr Grinyov, because of their nobility, juvenile sweetness and once again – their beauty, which were considered as the alternative for war, lies and death. The second part of Gruszka in Russian cinema was also connected with the same notions: in Mikhail Ptashuk's picture "In August of 1944" she played the girlfriend of German diversionist – she was weeping by the dead body of her beloved, and these tears symbolized that there's no sense in war and that love always makes a choice instead of us: the choice is always made by heart, not mind.

Even the smallest roles of Gruszka tend to stick in mind: be it a wife of surgeon from a TV-series "Na puti k serdtsu" or an episodic role in David Lynch's "Inland Empire". She can easily depict an angel or a vixen, and sometimes both of them in one part: like in Ivan Vyrypayev's "Oxygen", where Gruszka and Aleksey Filimonov depicted love of two very different people with the same names. Her heroine was "like pure oxygen" and "acted like an actress from a feature film about love" and managed to stay beautiful whatever plot has forced her to do. Director Ivan Vyrypayev has also casted her in the omnibus "Korotkoe zamykanie" which premiered in the previous year – Karolina Gruszka was playing a beautiful foreign girl which was wandering in Moscow with a camera, and is taught by an incident acquaintance to feel the world with her heart, not mind. What makes men start such lessons? The same thing about which Pushkin wrote: "and, as Rose rouge and white that the sour cream; eyes shine like two candles!"

Janna Sergeeva

Мастер-класс «Гадкий Я в 3D»

СДЕЛАНО В США

На мастер-класс продюсера Кристофера Меледандри, создателя «Ледникового периода», полнометражных «Симпсонов» и новой картины «Гадкий Я в 3D», представленной на ММКФ, набился полный зал кинотеатра «Октябрь» – некоторые даже стояли. Сотни людей, в основном молодых. Один из сидевших рядом с автором этих строк развлекался тем, что угадывал, каковы профессиональные интересы всех этих людей. По его мнению, большинство – художники и те, кто пробует себя в анимации. Пожалуй, да, стороннему человеку было бы трудно понять некоторые тонкости ремесла. Чем-то это могло напомнить, например, лекцию по переработке нефти со всеми соответствующими терминами: ректификация, реформинг, крекинг... Кристофер Меледандри не уступал, говоря то о регинге, то о лайауте, то о рейдеринге, и публика с интересом вникала в тонкости создания анимационных картин.

Продюсер признался, что сам не смотрел мультфильмов до 20 лет – до

того, как сам стал отцом: его собственные родители почему-то не поощряли такие зрелища. Возможно, по этой причине молодой человек переключился с игрового кино, которым занимался прежде, на анимацию. На путь создания картин, сделанных с помощью компьютерных технологий, возглавляемую Меледандри компанию «Illumination Entertainment», подтолкнули... танцующие тараканы, увиденные в каком-то из мультфильмов: «фильм был плохой, но эти тараканы – просто потрясающие...» Так продюсер начал сколачивать команду профессионалов, работающих в этой сфере, приглашал их с ведущих студий-гигантов, из разных стран.

Много говорилось о 3D технологиях, видно было, насколько продюсер увлечен ими. Теперь, заверил он собравшихся, «3D выходит на первый план для нас», и углубился в технологию создания таких картин. На вопрос, планируются ли какие-нибудь «двухмерные» проекты, отговорился общими фразами о том, что «мы хотим работать с разными средства-

ми анимации», но в обозримом будущем таких фильмов не ожидается. Кажется, некоторым из слушателей даже стало обидно за традиционную «картинку», ведь трехмерные изображения нравятся не всем. Впрочем, и сам продюсер задумчиво обронил: «Но если бы я участвовал в проектах Хаяо Миядзаки, я бы лучше руку себе отрезал, но оставил их двухмерными».

А в остальном собравшихся интересовали чисто практические вопросы: одна девушка поинтересовалась, как актеры проходят кастинг на озвучание мультфильмов, другой – представившись композитором – спрашивал, как выбирается музыка для фильмов, и сразу несколько человек желали узнать, как можно ознакомить продюсера со своими идеями. Кристофер Меледандри отослал их к «профильным» сайтам, высказавшись в том духе, что в наш век интернета связаться с кем-либо – не проблема, и покинул «Октябрь», явно довольный общением с молодежью.

Игорь Савельев

МАТЬ

КОНКУРС Берлин, Боксхагенер платц (Boxhagener Platz) / Реж. Матти Гешоннек

Старая фрау шагает по дорожке с лейкой и граблями, так энергично, что внук-тинейджер едва поспевает за ней. Она в ужасном пальто. Собственно, тут – в Восточном Берлине – все колоритные старики одеты в такие пальто, барашковые шапки пирожком и проч., что походят скорее на тени Черненко и Громыко, сошедшие с трибун мавзолея. Собственно, ГДР Гешоннека – вообще сплошное «дежавю» для российского зрителя: склоки соседей у мусоропровода, поваленные баки. Пивная здесь не пивная, а типичное злачное место из сериала «Следствие ведут знатоки»: грязный кафель, грубые шутки, стакан пива употребляется только «с прицепом» в виде рюмки водки... В этой Германии оглушительно много пьют.

Отти похоронила уже нескольких мужей. Дети – взрослые, не особо счастливые, во многом, разочарованные, так с юмором и спрашивают при встречах про нынешнего мужа: «Руди-то еще живой?» Внук Хольгер – пожалуй, единственный, кто по-настоящему

близок этой суровой женщине, с ним она и ходит на старое берлинское кладбище.

Фильм, конечно, очень политизирован – по-другому, в общем, не бывает, когда речь идет о расколе Германии. Едва ли можно представить себе на экране драму восточногерманской семьи, где бы не гремели фоном браваурные парады с тщательно артикулируемым «Leonid Brezhnev» и не велись бы шепотом разговоры о том, как бы сбежать на Запад. Однако в «Боксхагенер Платц» есть специфический нюанс: кажется, что «между строк» ощущается общая усталость вообще от любых идеологий. Фильм начинается с того, что Отти, решив «пересидеть» день республики в тишине на кладбище, продирается сквозь шествие пионеров и буквально-таки орет: «Все эти дураки хороши только для того, чтобы загораживать улицы... За этими трубами не слышишь даже себя!» Но не ласкова она будет, и когда новый муж, Карл заведет с внуком разговор о том, что нынешние власти – не настоящие

коммунисты, а приспособленцы, в прошлом близкие к нацистам. Похоже, Отти устала от любых политических разговоров.

Среди ее мужей и ухажеров, прошлых и нынешних, и инвалиды войны, привычно проклиная русских, и нацисты, и «настоящие марксисты»... Одни умирали в окопах или в своей постели, покидали ее, на их место приходили другие, и не было у Отти спокойной жизни, а только надежды и потери. Иногда кажется, что она как сама Германия, которую так и швыряло от одной губительной идеи к другой. Не случайно, наверное, так часто в кадр попадает фасад ресторанчика: над сегодняшней вывеской проступают тенями на камне другие, прежние буквы.

Отти ходит на кладбище почти каждый день, без намека на печаль, и ничего печального для зрителя в этом светлом месте тоже нет. Когда титр «Boxhagener platz» возникает на фоне спокойных деревьев, можно даже подумать по незнанию, что так это кладбище и именуется. Вокруг – блочные многоэтажки, а здесь – кроны берез на ветру, старинные надгробия, готический шрифт. И, кажется, что это единственное место, где еще не распалась связь времен.

Игорь Савельев

BOXHAGENER PLATZ

COMPETITION Dir. Matti Geschonneck

An old frau walks along the path with the rake and the watering-can. Her pace is so energetic that the teenage grandson has difficulty keeping up with her. Her overcoat is awful. Actually here, in East Berlin, all colorful elderly people wear such overcoats, lambskin hats etc. to the degree that they look very much like shadows of Chernenko or Gromyko, having just stepped down from the Mausoleum. In fact, to the Russian viewer, Geshonneck's GDR is one continuous déjà-vu: neighbors quarreling by the refuse chute, overturned garbage bins. A pub is not so much a pub as a seedy hangout from the series "Aces Investigate": dirty tile, rude jokes, a glass of beer invariably followed by a glass of vodka... In this Germany they drink deafeningly much.

Otti has already buried several husbands. Her children have grown up, they are not especially happy, disillusioned in many ways; when they meet her, they make a jocular inquiry about her present husband "Is Rudy still

alive?". Her grandson Holger is probably the only one who is really close to this stern woman. It is with him that she visits the old Berlin cemetery.

The movie is very politically-oriented. How could it be otherwise when the subject matter is the division of Germany. One could hardly imagine the on-screen drama of an East-German family without the noisy parades and carefully articulated shouts of «Leonid Brezhnev» in the background and whispered conversations about escaping to the West. But there is a twist to "Boxhagener platz". Somewhere between the lines there is a sense of fatigue from any form of ideology. In the opening shots Otти, who decided to weather the Day of the Republic in the quiet of the cemetery, makes her way through marching columns of pioneers and literally shouts: "All these fools are good only for blocking the streets... You can't hear yourself for all these trumpets!". But she won't be gentle when Karl, the new husband, starts talking to the grandson about the present au-

thorities who are not real communists but time-servers, who had been once close to the Nazis. Otти seems to have grown tired of all political conversations.

Among her past and present husbands and lovers there were war veterans, habitually cursing the Russians, Nazis, "real Marxists"... Some died in the trenches or in bed, leaving her, others took their place, but Otти never had a quiet life, only hopes and losses... Sometimes she seems to be like Germany itself, plunging into one pernicious idea after another. It seems significant that so often the camera lingers on the foreshore of a small restaurant: above the present-day sign-board the letters of the earlier one loom like shadows on the stone.

Otti goes to the cemetery almost every day without a trace of grief, and there is nothing sad for the viewer in this bright palace either. When the title «Boxhagener platz» appears against peaceful trees in the background, one might even erroneously assume that this is the name of the cemetery. There are multi-storey buildings all around, while at the cemetery there are birches in the wind, ancient tombstones, Gothic inscriptions. It seems that this is the only spot where the connection of time has not been severed.

Igor Saveliev

ВОЙНА

8 ½ ФИЛЬМОВ Ливан (Levanon) / Реж. Шмуэль Маоз

Ливан стал для Израиля тем же, чем Вьетнам – для США. Дело даже не столько в накале общественных дискуссий или авторефлексии интеллигенции по поводу несправедливой и бессмысленной войны, сколько в том энергетическом всплеске, который поднял израильское кино на принципиально новый уровень. В 2000-м «Бофор» Йозефа Цедара, в котором ливанский конфликт отозвался далеким эхом, был отмечен в Берлине и номинирован на «Оскар». В 2008-м документальный мультфильм Ари Фольмана «Вальс с Баширом» о травмированной психике ливанских ветеранов стал сенсацией в Каннах, а позже получил «Золотой глобус». В 2009-м случилось беспрецедентное событие – впервые в истории израильский фильм взял главный приз одного из центральных мировых фестивалей: в Венеции «Ливану» Шмуэля Маоза присудили «Золотого льва».

Маоз, как и Фольман, сам воевал – был танкистом, в первые дни после

призыва попавшим на поле боя. К своим 48-ми годам, будучи кинорежиссером по профессии, он имел на счету несколько незначительных работ – в том числе, телевизионных и документальных. Как ни парадоксально, «Ливан» – практически дебют. И уж точно – фильм о самом сокровенном, тайном, стыдном, страшном, пронесенном через всю жизнь и впервые проговоренном вслух. О том, что копилось годами и, судя по всему, просто не могло выплеснуться иначе, кроме как в форме радикального, строгого, драматичного фильма, задающего новые стандарты военного кино.

Поле унылых подсолнухов в первом кадре, то же поле – в последнем. А между ними – полтора часа грохота, хаоса, невнятицы, ужаса и страдания. Четверо новобранцев (новички Йоав Донат, Итай Тиран, Михаэль Мошонов, плюс Ошри Коэн, успевший сняться у Аменабара в «Агоре» и у Цедара в «Бофоре») заперты в танке. Экипа-

жу приказано пересечь ливанскую деревню близ границы и прибыть в условную точку под названием «Сен Тропе». Единство времени, места и действия – идеальное: в танке заперта и камера, не покидающая его пределов ни на минуту. Внешний мир виден только в прицел: он перечеркнут крестом, превращен в мишень. Единственный способ коммуникации с ним

(кроме сломанной рации) – нажатие на гашетку, и это поручено герою-проводнику Шмулику. Его прототип и тезка – режиссер картины.

«Ливан» – не столько психологическая драма, сколько абсурдистская трагедия, в которой поведенческие типы пасуют перед неотвратимыми обстоятельствами. Прямое попадание сирийской ракеты превращает танк в западню, и Ливан как таковой превращается в чистую абстракцию – недостижимую и пугающую, как открытый космос. Суровый командир, нагловатый союзник, испуганный до смерти пленный нарушают герметическую структуру драматургии, испытывая нервы не только танкистов, но и зрителей. Выдающаяся работа звукорежиссера Алекса Клода повышает напряжение до нестерпимого накала: в финале солнце заходит, наступает кромешная тьма, и только звуки позволяют догадываться о неизбежном разрешении конфликта. А конфликт – не между израильянином и ливанцем, не между трусом и героем, не между офицером и солдатом, – а между человеком и апокалиптическим чудищем по имени «война».

Антон Долин

СТОЛКНОВЕНИЕ

КОНКУРС Дорогая Элис (För kärleken) / Реж. Отман Карим

Несколько десятилетий назад просвещенные шведские граждане смеялись над популярной тогда словесной формулой «социализм с человеческим лицом», в моде разговоры, что настоящий социализм – он в Швеции. После просмотра «Дорогой Элис» неизбежно приходит мысль, что это социализм без человеческого лица. В самом буквальном смысле: всё заменяют бумажки. Кажется, что паспорта и разного рода квитанции чиновники проверяют каждые пять минут экранного времени. Даже чтобы вызвать полицию, надо назвать по телефону свой личный код, и уже нет вопросов: кто, где, по какому адресу (что неизбежно навевает мысли о вежливом, но суровом Большом Брате). Дело не только и не столько в этом, хотя порой обличение бюрократов достигает накала статей из журнала «Огонёк» оттепельных времен. Отсутствие человеческого здесь даже глобальнее: вплоть до безответно звонящих мобильных, забытых

их владельцами на столах. Супруги не могут связаться друг с другом и вынуждены постоянно надиктовывать на автоответчики сообщения – сигналы SOS, также остающиеся без ответа.

В центре сюжета – несколько шведских граждан, замученных разнообразными проблемами, нарастающими, как снежный ком. Эти люди ходят по одним улицам; могло бы показаться, что их ничто не связывает, если бы режиссер не вынес финал их историй в самое начало фильма – их судьбам суждено сплестись в совершенно голливудской кровавой мясорубке. Поэтому картину неизбежно начинаешь смотреть с мыслью: «В общем, все умерли». Но окажется, что не все, и вообще, история здесь несколько сложнее. Люди связаны бесчисленными нитями именно общего бессилия перед государственной машиной, внешне справедливой и благополучной высокоразвитой цивилизацией. Герой Дэнни

ВСЕ УМРУТ, А Я ОСТАНУСЬ

ПЕРСПЕКТИВЫ Раз, два, три, четыре, семь (7X - lika barn leka bäst) / Реж. Эмиль Юнsvик

Думаю, что не разрушу интриги, если скажу, что семерка в оригинальном названии фильма «7X» – производное от количества патронов в обойме пистолета с криминальным прошлым, который случайно попал в руки шведских школьников с городской окраины. Да еще каких: одного, новенького, чморят изо дня в день самыми изощренными способами, а он спит и видит, как бы осуществить «американский вариант», то есть перестрелять весь класс; другой мстит всему человечеству за то, что у него нет мотоцикла; третья ненавидит собственного отца, домашнего тирана; четвертая до смерти боится извращенца на «опеле»... Очевидно: раз оружие попало в руки всей этой разношерстной компании, ничего хорошего ждать не приходится. Юные герои – отнюдь не Малыш, Босе и Бетан, на случай, если кто-то по старой традиции именно так представляет себе шведских школьников. Да и виды города не похожи на буколические силуэты Стокгольма из мультфильма: мрачные многоэтажки, регулярно

возникающие в кадре, диссонируют с традиционными представлениями о Старой Европе. Любопытны также мелочи, технические, так сказать, моменты: забавно наблюдать, например, как отвязная шпана, курящая «травку» и устраивающая побоища в школьном дворе, испуганно «шифруется», чтобы со всеми возможными предосторожностями купить у дилера пива. Забавно? Или?..

Совсем недавно по российскому телевидению с большим ажиотажем, спорами, шумом прошла «Школа» Валерии Гай-Германики, поэтому сопоставления, думаю, неизбежны. Параллелей много: начиная с крупных кадров девчонок, красящих ногти на уроке и швыряющих друг в друга записками, наплевав на учителя со всей его алгеброй, и заканчивая манерой съемки, дергающейся ручной камерой. Принято считать, что манера эта создает эффект присутствия, но учитывая, что человеческий взгляд не способен так бешено скакать, можно домыслить, что в данном случае, это эффект присутствия после выкуренного

вместе с героями «косяка». Тем интереснее сравнить некоторые элементы социального подтекста. Фильм Гай-Германики в России стал предметом ожесточенных споров: является ли это широким типическим портретом молодежи и педагогики (а, по словам учителей, клеветой). Режиссеру в одной из телепрограмм пришлось убеждать, что это всего лишь ее герои, которыми она всего лишь распорядилась по собственному усмотрению. Юнsvик же нарочито подчеркивает социальный, обобщающий подтекст, в начале – сообщением, что по Швеции гуляют 30 000 единиц нелегального оружия, в конце – титром, что судьба остальных 29 999 «стволов» неизвестна. Этот титр не то что бы снижает гурманское удовольствие от «вкусно приготовленных» сцен, скорее, дает повод отметить свободу, с которой режиссер ставит рядом свои эстетические и нравственные воззрения, ничуть не смущаясь последних.

Впрочем, любой художник знает, что эстетика и мораль, порой, идут вразрез не по его воле. Герои картины Юнsvика, как только к ним в руки попадает пресловутый «ствол», начинают путь по кругам ада, где стрельба по морской свинке – едва ли не самое безобидное. Но в какой-то момент кажется, что пистолет против воли режиссера действительно превращается в волшебную палочку, возвращающую ребятам человеческое достоинство. Главное, они понимают, что стрелять друг в друга не могут, как бы ни пытались. Пистолет дарит им краткое – но счастье даже, успокоение. Кровь, конечно, все равно прольется. Ружью придется стрелять.

Игорь Савельев

Гловера, пожилой эмигрант из Африки, пытающийся свести концы с концами, торгуя сувенирами, приходит в социальную службу и буквально умоляет оказать ему помощь. Мешают формальности. Старик просит чиновника о милосердии со словами: «Я вижу, вы богатый человек». Злая ирония судьбы в том, что его собеседник, также не коренной европеец, в этот самый момент курсирует по замкнутому кругу столь же безвыходных ситуаций: отцу в Уганде вот-вот ампутировать ногу, если не заплатит за лечение; у него проблемы с дочерью, с женой, с законом... Пользуясь метафорой Виктории Токкаревой: он сам горит, как газета, подожженная со всех концов. Отправленный с трудом денежный перевод в Уганду блокируют по этническим, скажем так, причинам, и когда он, охваченный отчаянием и бешенством, звонит в банк, клерк столь же вежливо непробиваем: «Ничего сделать нельзя, мы должны соблюдать правила». Но и безымянный клерк в кадре – тоже, кажется, не коренной европеец. Это замкнутый круг.

Помимо прочих несчастий, в судьбы героев вмешались ООН и США. Денежный перевод в Уганду был заблокирован и передан в Вашингтон для проверки, поскольку фамилия отправителя – Саид, а на подозри-

тельные имена распространяется некая норма по контролю за финансированием терроризма. «Я – подозрительный?!» – беснуется добропорядочный гражданин Швеции в отделении банка, тогда как на его фамилию уже готовится атака с другой стороны. Его жене, работающей адвокатом, предложено повышение по службе: ее хотят сделать партнером в крупной серьезной конторе. Но выясняется, что для этого дама должна из Корин Саид стать Корин Карлсон или Ларссон, иначе, мол, клиенты разбегутся. «Двойной удар» обрушивается на мирную доселе семью всеми возможными бедами, начиная со скандалов и заканчивая полицейским участием, погонями и страшным ДТП. В уличных разговорах звучит: «Все проблемы от этих черных», а добродетельная старушка на вопрос полицейского «Это был чернокожий?», переспрашивает: «Негр? Да-да».

Тема заявлена серьезная. Впрочем, в критике ООН, США и порядков «стран первого мира» в целом герои в какой-то момент ставят точку. Несостоявшаяся Корин Карлсон подает на адвокатскую контору в суд. То есть лечить европейскую цивилизацию создатели фильма предлагают терапией – европейской, цивилизованной.

Игорь Савельев

ВАКАНТНОЕ МЕСТО

ВОКРУГ СВЕТА Дневник военнослужащей (Nweobweongsai sugi) / Реж. Чан Кил Хен

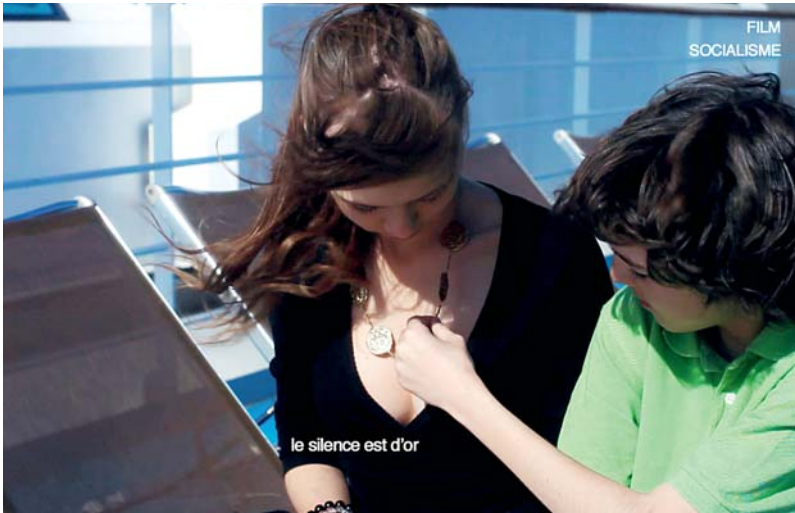
Юная Хен Сун после окончания средней школы пополняет ряды народной армии и вскоре попадает по распределению на отдаленный военный пост у железной дороги. Трогательная отроковица, взирающая на все широко распахнутыми глазами, поначалу не очень приживается в дружном женском коллективе: не потому что сослуживицы попались вредные, а потому что новое место службы кажется Хен Сун сомнительным плацдармом для дальнейших карьерных перспектив. Впрочем, как несложно догадаться, девушка, в конце концов, перевоспитается: несколько героических примеров донесут до нее мысль о том, что именно здесь, возможно, ее место в жизни, и вдохновят на совершение маленького личного подвига.

Про КНДР можно сколько угодно шутить шутки, называть вслед за одним американским документалистом «the freakiest country in the world» и посмеиваться, что корейские футболисты, приехавшие на чемпионат мира в ЮАР, вместо того, чтобы забивать голы, воспользовались случаем и сбежали, куда подальше, но в плане кинематографа страна представляет собой для всего остального мира загадку, сокрытую прочным «железным занавесом». Одиозный эксперимент китайских кинематографистов по пересъемке киноленты «А зори здесь тихие» не был засчитан удачей – хотя, чего уж там, все формальные признаки в ней были соблюдены прилежно. Северокорейский кинематографист Чан Кил Хен выступает гораздо интереснее: его кино не подделывает и не копирует, а напрямую воспроизводит советскую экранную традицию, причем вполне определенного периода: что-то между концом 40-х и серединой 50-х, когда военные подвиги постепенно отступали на второй план, уступая место частной истории. Тот, кто за свою жизнь видел хотя бы пару-тройку советских лент соответствующего периода, безошибочно угадает интонацию: крупные планы улыбающихся лиц, пролонгированные трэвелинги сквозь пространство, которое в минуты наивысшего драматического накала льет слезы проливным дождем, застенчивый, трогательно неуклюжий экшн... Как ни странно для картины, в лирической форме повествующей, что долг перед родиной превышает всего, здесь ощущается живое дыхание. Воздух. Свет. Свет в произведениях авторов, к нему чувствительных, вообще имеет свойство пробиваться сквозь даже жесточайшие рамки политически выверенных сюжетов. С другой стороны, история про перевоспитание профурсетки вечен – вне зависимости от того, одета ли она в армейскую униформу или нет. Так что пусть тайна северокорейского кино скорее уже перестанет быть такой тайной. Да и вообще, сколько можно уже смеяться: в недавнем матче с бразильской сборной команда КНДР уступила всего один мяч.

Ольга Артемьева

ФИЛЬМ, ФИЛЬМ, ФИЛЬМ

«НОВАЯ ВОЛНА» НАВСЕГДА Фильм социализм (Film Socialisme)/ Реж. Жан-Люк Годар
Жан-Люк Годар: Вопрос /Ответ

В. Производство, дистрибуция, коммерциализация?

О. Как только после Второй Мировой войны закончилась эпоха больших киностудий, иерархия вывернулась наизнанку, и аристократия отныне на первом месте, а «третье сословие» – на последнем.

В. Кинематография и фильмы – в чем разница?

О. Та же закономерность: фильм – еще необязательно кино.

В. 3D?

О. Одно из четырех измерений – время – вдруг исчезло, пространство сплюсилось, система «Синемаскоп», 16:9.

В. Откуда есть пошла геометрия?

О. Евклид, не Аристотель, постиг язык египетских пирамид.

В. А слово «почему»?

О. Фрейд не изучал рождение слова после рождения, когда младенец все

еще говорит без слов. Только животные хранят эту тайну.

В. Мир на Ближнем Востоке – когда?

О. Как только Израиль и Палестина заезут откуда-нибудь 6 миллионов собак и станут их выгуливать. Будут все вместе гулять с собачками, как соседи, которые между собой не разговаривают – не разговаривают, кроме как на собачьи темы.

В. Трагедия и демократия?

О. Без Софоклов нет Периклов.

В. А авторские права?

О. Мы забываем, что главная беда Бомарше – в том, что ему не отчисляли деньги за постановки «Свадьбы Фигаро». Автором-то его признавали, и что?

В. В чем природа человека?

О. «Человек» – это был такой школьный предмет. Можно дать такое определение: человечество – это бесконечная сплошная кривая, которая замыкается лишь в одной точке (см. Л. Шварца).

В. Как Европе жить счастливо?

О. Нам лучше не повторять заученные сентенции предков, а осознать: нашу Европу создали немецкие князья в процессе объединения Германии. Следовательно, ныне Франция, Польша, Венгрия – всего лишь "Länder". А Италия в своем желании «fara da se» уже содержит в себе зародыш грядущей «оси» (fara da se (итал.) – работать в одиночку). Ср. итальянскую поговорку: «Кто делает все один, работает за троих».

В. Рифмуя равенство с дерьмом?

О. Это по-нашему. Единственное дело, в котором животные и люди от природы равны, – на ночном горшке, на унитазах, над выгребной ямой и т.д.

В. Планы – только статичные?

О. Химик, глядя в микроскоп, не снимает панорамированием. И нефтяные компании тоже не панорамируют, когда бурят морское дно.

В. А лицо Другого?

О. Философ Левинас много потерял от того, что не прогуливался по полю боя с видеокамерой и ее зеркалом, которое переворачивает образы.

В. Блоги и sms?

О. Отчасти, если отвлечься от этих молодежных идей, подобных земляному червю, всех этих пламенных фениксов заботит одно: выжить и обрести в пучине хаоса шанс на воскресение (см. Илью Пригожина).

В. Политика вернулась?

О. Да, ведь современные демократии, превращающие политику в отдельную сферу мысли, предрасположены к тоталитаризму.

В. IXE плюс три равняется единице?

О. Это не формула в стиле эйнштейновских. Она увенчана метафорой. В

ней – изначальный исток монтажа как такового. Если применить ее, например, к финансовой сфере, она позволит приблизить текущий долг Греции к ордам немецких туристов. Как заметил Монтескье: финансисты поддерживают государство точно так же, как веревка поддерживает повешенного.

В. А визуальное?

О. Старый ведун Башляр говорил об имплицитных и эксплицитных образах. Можно упомянуть образ тишины из Жюлья Ренара: падение снежинок на воду.

В. Образ будущего?

О. Даже когда версия – окончательная, монтаж – хоть самый смиренный, хоть самый спесивый – несвободен: он прикован цепями и к прошлому, и к будущему, а в настоящем должен как-то продержаться. Только кино воспроизводит эти усилия человека.

В. Последний фильм?

О. Только название: «Прощай, язык»

Перевод С. Силаковой

АД

ГАЛА-ПРЕМЬЕРЫ Брестская крепость/ Реж. Александр Котт

Александр Котт:

Когда возникло предложение продюсера Игоря Угольниковика – снять историю Брестской крепости, я согласился, не раздумывая. Мне была интересна психология людей, которые оказались в такой ситуации. Брестская крепость – это только часть, толика того, что было на советских границах, и слава Богу, что про нее узнали, хоть и много лет спустя, благодаря книге. До изучения материалов мы очень многого не знали. Много не знаем и сейчас. Скажем так, земля там реально пропитана мистической почти силой: ведь первый за годы войны приказ об отступлении немцы отдали в одиннадцать утра 22 июня 1941-го года. Немцы, которые без отступлений прошли по Европе, и та австрийская дивизия, которая взяла Францию и Польшу, споткнулись именно здесь. Про каждого из защитников можно и нужно рассказывать. Сама ситуация, когда командиры были вынуждены принять решение отдать своих жен и детей в плен, давая им шанс выжить, а себе – умереть

спокойно, не оглядываясь на них – это уже психологическая драма. Родные, кстати, все были расстреляны, когда было покушение на Гитлера в 1942 году. Мы пытались сделать некую реконструкцию событий этих трех-четырех дней, потому что фактически сопротивление в крепости прекратилось через неделю, дальше началась партизанская война, и немцы боялись там ходить. Невозможно обо всех героях рассказать, мы обозначили только основных, известных нам. Но я думаю, что для многих один день войны в этой крепости был равнозначен пути от Москвы до Берлина.

Андрей Мерзликин:

Знаете, сейчас такой тонкий, страшный момент наступил, когда появились новые псевдо-историки, которые пытаются нейтрализовать, как-то приуменьшить роль подвигов солдат, крепости да и вообще всего российского народа... Все теперь любят копошиться в предателях, в изменах, в принижении

ТРАФФИК

МОСКОВСКАЯ ЭЙФОРИЯ - ВЫБОР ФИПРЕССИ

Товар и деньги (Marfa si banii) / Реж. Кристи Пую

Мало кто сегодня будет спорить с тем, что «румынская новая волна» стала главным феноменом европейского кинематографа 2000-х. Спор ведется только о том, когда она началась. Для более-менее широкой публики – с триумфа «4 месяца, 3 недели и 2 дня» Кристиана Мунджиу в Каннах. Для более изощренных синефилов – со «Смерти господина Лазареску» Кристи Пую. И лишь единицы знают, что стартом для нее стал предыдущий фильм того же автора – «Товар и деньги». Настоящий раритет, которого не достать на DVD даже в самой Румынии, и который привезли на ММКФ. 34-летний сценарист и художник Кристи Пую решил дебютировать в

кино, первым из коллег осознав, что терять нечего: индустрия развалена, проката нет, помощи от правительства ждать бессмысленно. Спасение – в жесткой концепции, где каждое отсутствие (финансов, профессиональных актеров, декораций и т.д.) можно превратить в преимущество. «Товар и деньги» не стал революцией, но подготовил ее. Этот фильм принес Пую призы второстепенных фестивалей (Салоники, Коттбус, Буэнос-Айрес, Анжер), открыв дорогу в Берлин и Канны. Он стал первой пробой и для главных актеров «новой румынской волны» – Драгоша Букура («Буги», «Полицейский, прилагательное»), Развана Василеску («Мечты о Калифорнии», «Ники и Фло») и Люминиты Георгиу

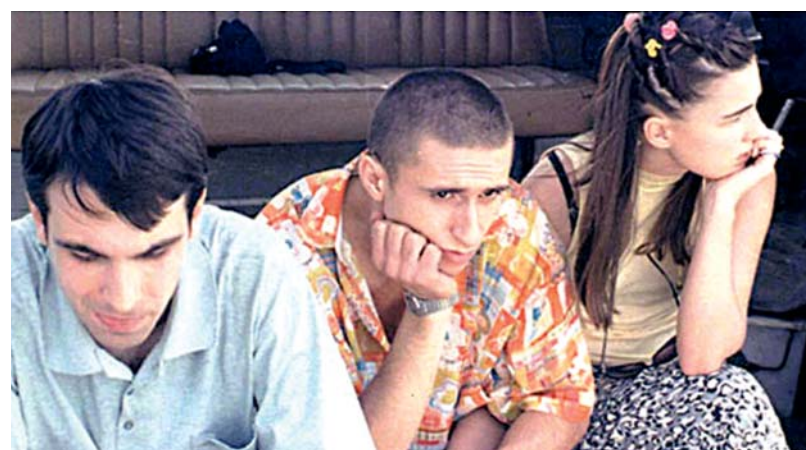
(«Смерть господина Лазареску», «4 месяца, 3 недели и 2 дня», «12:08 к востоку от Бухареста»).

В «Смерти господина Лазареску» по кругам обыденного ада путешествуют жители современного Бухареста, которых зовут Данте и Вергилий. Герой «Товара и денег» – Овидий, мало чем примечательный юноша из провинции. Единственная метаморфоза, на которую он надеется, – съехать от надоевших родителей и открыть собственный «малый бизнес». Однако для того, чтобы открыть коммерческую палатку, нужен начальный капитал. Заработать его можно, если оказать услугу местному криминальному авторитету, давнему другу семейства. Тот предлагает Овидию отвезти в столицу сумку с товаром – «медикаментами», которые нужно сдать на руки определенному человеку: за это обещается немаленький гонорар. Правда, есть несколько условий. Не останавливаться, не брать попутчиков, не трепаться о своей миссии, не отдавать сумку никому. Как водится, все заповеди будут нарушены.

Обычно в фильмах, интрига которых построена по подобному принципу,

нарушение условий остается прерогативой персонажей: авторы, со своей стороны, подчиняются канонам сюжетосложения и примерно наказывают слушников. Не таков Кристи Пую. Каждый поворот интриги оборачивается обманкой, от жанровых правил не остается камня на камне. «Товар и деньги» – road-movie в негативе. Если в американских «фильмах дороги» рутинное и унылое продвижение к конечной цели становится ненавязчивым фоном для действия, то тут действие отсутствует в принципе: оно подменено пустым трепом нескольких юнцов, попавших в неудобные обстоятельства по собственной вине и ожидающих (вместе со зрителем) расплаты. Нет ничего, кроме дороги, теряют смысл и пункт назначения, и пункт отправления, и задача... и товар, и деньги. Саспенс рождается из ничего – и держит до самого финала, в котором из басни выводится совершенно неожиданный мораль. В эту секунду зрелище, которое только что казалось изнурительным и бессодержательным, вдруг оборачивается блистательным фильмом.

Антон Долин

того или иного подвига или фамилии того или иного героя, утверждают, что героя не существовало... На фоне всего этого, конечно же, появилась какая-то человеческая потребность рассказать об этой истории, чтобы ее не замалчивали – ведь начали уже говорить, что у Брестской крепости не было никакой защиты и так далее и тому подобное... Это страшные слова, и они не единичным возгласом вопиют. Именно поэтому мы загорелись идеей снять это кино искренне, от всего сердца.

Александр Котт:

Мы снимали четыре месяца, для нас в определенном смысле это тоже была война. Я никогда раньше не снимал такое масштабное кино. Это ведь и сложная пиротехника, и каскадерские трюки, которые хотелось убедительно поставить – но при всем при этом мы делали, как ни странно звучит, камерную историю. Камерную потому, что в центре действия – люди в подвалах, что они чувствуют, как сходят с ума... Я не могу про это много говорить, я еще не «остыл». Я не знаю, как зрителиотреагируют на наш фильм – там нет этой модной физиологии, это кино не про это.

Мы снимали в самой крепости, многое строили на площадке, немецкую лодку нашли, бомбу, неразорвав-

шуюся... Во время съемок работали минеры, проверяли площадку на предмет неразорвавшихся бомб и так далее, потому что могло сдетанировать, и во время съемок откапывали гранаты, останавливали съемки.

Андрей Мерзликин:

Пограничники пережили ад: уже война идет, а они пытаются выполнить по уставу то, что должны делать, ходить в наряды. Потом пришло осознание, что командиры исчезли, что нужно брать командование на себя... Первое время была просто паника, когда никто просто ничего не понимал. Информации было очень много, говорили, что война начнется сегодня, завтра, послезавтра, и все к ней как-то внутренне готовились. Но никто же не понимал, что такое быть готовым к войне. К нападению – да, но что такое война, никто по-настоящему не понимает. Вот когда начался весь этот ад, они быстро собрались, на следующий день даже пошли в первую атаку.

Когда я пытался как актер проиграть реставрацию тех событий, у меня волосы дыбом стояли, у меня буквально заплетались ноги. Я понимал, конечно, что это холостые патроны, но когда слышишь звук настоящего станкового пулемета – это страшно. Ужас происходящего, когда я понимаю, что в мою

сторону стреляют, и я должен куда-то бежать, и в этот момент пиротехники из пейнтбольных ружей стреляют шариками – ими убить невозможно, но серьезно попасть они могут, так что будет больно. Их использовали для того, чтобы фонтанчики от пуль были на воде, на земле. Из-за этих фонтанчиков у человека рождается природный страх – ты бежишь, а в тебя стреляют, а ты без защиты, без шлема, без ничего... Я думаю, что впервые я так испугался камеры. Вот уже начали, и я бегу и понимаю – какой я там герой, я в ужасе, я пытаюсь убежать... Забегаю в воду, погружаюсь и думаю, что у меня дыхания хватит минут на десять, чтобы не высовываться из воды, но в то же время понимаю, что основная задача моя сейчас как раз высунуться, сыграть эпизод. Поэтому я вынырываю, делаю то, что должен делать. Я понимаю, что это и есть та маленькая толика, мой вклад в реставрацию тех событий, когда мой герой Андрей Митрофанович Кижеватов не под пейнтбольными пулями бегал.

Я знаю, что по сравнению с войной любой человек потом скажет: Господи, пусть будет что угодно, только не это. Пускай нет денег, нет работы, пускай кажется, что все плохо – главное, чтобы не было войны.

LEBANON (LEVANON)

8 ½ FILMS Dir. Samuel Maoz

For Israel Lebanon has turned into what Vietnam represents for the USA. It is not so much the heat of public discussions or the ruminations of intellectuals about the unjust and meaningless war as the energy outburst which propelled the Israeli cinema to radically different heights. In 2007 "Beaufort" by Joseph Cedar, where the Lebanese conflict was felt only as a distant echo, received awards in Berlin and was nominated for an "Oscar". In 2008 the documentary "Waltz with Bashir" by Ari Folman about the traumatic memory of Lebanese veterans made a sensation in Cannes and later received a "Golden Globe". In 2009 something unprecedented happened. For the first time in history an Israeli movie was the winner of a principal world festival. In Venice Samuel Maoz's "Lebanon" won the "Golden Lion".

Like Folman, Maoz himself was at the frontline. Immediately after being drafted he found himself in the midst of battle as an armor crewman. A professional director, at 48 he has made several minor films, including films for TV and documentaries. Ironically, "Lebanon" is something like a debut. And it is definitely a movie about the deepest secret feelings, about the shameful, horrible experience which remained with him throughout his entire life and was for the first time articulated out loud. All, that had been accumulating for years, had to find its expression in the form of a radical, austere, dramatic movie, setting new standards for war cinema. A field of dull sunflowers in the opening shot, the same field in the closing shot. And an hour and a half of thunder, chaos, mess, horror and suffering in between. Four recruits (the novices Yoav Donat, Itay Tiran, Michael Moshonov plus Oshri Cohen who had the experience of playing in Amenabar's "Agora" and Cedar's "Beaufort") are locked up in a tank. The crew was ordered to cross a Lebanese village close to the border and arrive at the spot codenamed "Saint Tropez". Ideal unity of time, place and action. The camera is also locked inside the tank and never leaves it even for a moment. The outer world is seen only through the gun-sight, it has a cross drawn over it, turning it into a target. The only way to communicate with it (aside from the broken radio transmitter) is by pressing the trigger, and that is the mission of the guide and protagonist Shmulik. His prototype and namesake is the director of the movie.

"Lebanon" is not so much a psychological drama as an absurdist tragedy, where behavioral types yield to implacable circumstances. The direct hit by a Syrian missile turns the tank into a trap and Lebanon as such becomes pure abstraction, unattainable and

frightening like outer space. A severe commander, a cheeky ally, a frightened prisoner disrupt the hermetic dramatic structure, straining the nerves of the crew and the audience alike. The outstanding work of the sound director Alex Claude raises the tension to unbearable voltages: in the closing shots the sun sets, absolute darkness falls and only the sounds allow to make assumptions about the inevitable solution to the conflict. The conflict is not between an Israeli and a Lebanese, not between a coward and a hero, not between a soldier and an officer, but between a human being and an apocalyptic monster called "war".

Anton Dolin

DEAR ALICE (FÖR KÄRLEKEN)

COMPETITION Dir. Othman Karim

Few decades earlier some of the Soviet citizens would laugh at then popular formula about "socialism with human face" – it was kind of chic to say that real socialism is in Sweden. After "Dear Alice" a new thought comes to mind: this is socialism without any human face. Quite literally: everything is replaced by papers and documents. It seems like passports and

receipts are being checked almost five minutes of screen time. Even when you call the police you have to tell your private code and after that there's no questions left: where, who, which address (which provokes thoughts about polite but rough Big Brother). But this is not the point here. The absence of humanity here is even more global – this is symbolized by cell phones, left somewhere and ringing without any answer. Husband and wife can't connect with each other, other than leaving endless messages on answering machine – they are sort of like SOS signals, also left without an answer.

The story depicts life of several Swedish residents, suffering from different problems – and there become more and more of them. These people walk the same streets and seem to have nothing in common – it would be so, but the director showed the end of this story in the very beginning of the film. The destinies of characters are entwined in a terrible crash made in almost Hollywood style. It seems like everyone is doomed here, but this impression turns out to be wrong. The story is more complicated. People here are connected due to their general powerlessness in the face of government machine, which should've symbolize justice and well-being of civilization. Danny Glover's character, an old emigrant from Africa tries to cope with his life, selling souvenirs, comes to a social service

and pleads to help him. But there are some formalities that come in the way. The old man asks for mercy, saying to bank worker: "I can see that you are a rich man". The irony of the situation is that the same bank worker, also not a native European, has his own serious problems: his father who lives in Uganda is sick and needs money, he has troubles with his daughter, with his wife, and finally with law... The remittance sent to Uganda is blocked due to, let's call it ethnic reasons. So when he is calling the bank in despair, the clerk there is also cool and polite: "There's nothing we can do, we must follow the rules". But even that nameless clerk doesn't seem to be native European. It's a vicious circle.

Besides other troubles, USA and United Nations got involved in their destinies. The remittance to Uganda was blocked and sent to Washington for a check, because surname of the sender is Said, and "suspicious" names should be checked in the bounds of special program against terrorism. "Am I suspicious?" – furiously asks a decent Swedish citizen in the bank, while his surname is being attacked from another side. His wife who is working as an advocate, is proposed the new job as a partner in law firm. But it turns out that Korin Said should become Korin Carlson or Larsen – in order "not to frighten clients". All of this will affect the family and cause tragedies possible – starting from scandals and ending with police station, chases and terrible car accident.

The topic here is very serious. However, at some point characters stop in their critics of USA and United Nation. A might-have-been Korin Carlson decides to sue the law firm – by doing so authors offer to heal European civilization with European, civilized therapy.

Igor Saveliev

7X - THIS IS OUR KIDS (7X - LIKA BARN LEKA BÄST)

PERSPECTIVES COMPETITION

Dir. Emil Jonsvik

"7" in original title of the film marks the number of bullets in gun with some criminal past, which has accidentally got in the hands of Swedish schoolchildren. Those kids are "one the kind": one is tortured by his classmates so he dreams to "kill'em all" in it happens in American high schools; another boy has the idea of revenging the whole world because he doesn't have a motorcycle; one girl hates her own father who is a domestic tyrant, and the other is scared to death because of some pervert in "Opel". It is more than obvious: if the gun is in the hands of this company, the tragedy is ahead. Small details are interesting in this film: it's very unusual to watch rough kids who smoke cannabis and start fights in school corridors, having some difficult

time trying to buy a beer from dealer.

Emil Jonsvik can be compared to Valeriya Gai-Germanika's films – starting from close shots of girls and boys at the lessons at school and ending with a hand-held camera. Gai-Germanika's film has become the topic for a discussion in society about whether it is a typical depiction of the young generation and teachers in Russian (which teachers themselves claim to be a lie). Director of "7X - This is Our Kids" is definitely emphasizes typical, social message of his film: in the beginning by a title saying that in Sweden there are 30000 illegal guns, and in the end – by saying that the destiny of the rest 29999 guns remains unknown. This title doesn't discounts the pleasure from the stylish scenes in the movie, but provokes the thoughts about the liberty and bravery with which the author combines his esthetic and moral views.

The heroes of Jonsvik's film take on their private "road to hell" when the gun comes to their hands. Shooting a genuine swine is probably the most innocent deal done here. But at some point it starts to seem like the gun, even against director's will, is really turning in some kind of magic want, helping the kids to regain their lost dignity. The main thing is – they understand that they can't shoot each other, no matter how they wanted to. This guns suddenly brings them brief – not even happiness – but peace.

Igor Saveliev

FILM SOCIALISME

NEW WAVE FOREVER Dir. Jean-Luc Godard

Q&A: Jean-Luc Godard

Q Production, distribution, exploitation?

A Since the end of the big studios, after the Second World War, the order was inverted, with the aristocracy henceforth coming first, and the « third estate » last.

Q Cinema and films - the difference?

A The same, cinema is not necessarily to be found in films.

Q 3D?

A Very quickly, the dimension of time has disappeared and space flattened, cinemascope, 16:9

Q Whereof geometry?

A Euclid understood the language of the Pyramids, not Aristotle.

Q And the word « why »?

A Freud did not study the birth of the word after birth, when the infant still speaks without words. Animals alone will be the custodians.

Q Peace In the Middle East - when?

A As soon as Israel and Palestine introduce 6 million dogs and stroll with them as neighbors who don't speak, who don't speak of something else.

Q Tragedy and democracy?

A Without Sophocles, no Pericles.

Q And copyright? A we forget that Beaumarchais' real problem wasn't retaining ownership of « The Marriage of Figaro », but simply getting his share of the receipts.

Q What are our humanities?

A In the past, in French high schools, Greek and Latin were identified thus. We can define humanity as an infinite curve in all its points save one where it is void (cf, L.Schwarz).

Q A happy Europe?

A Rather than received historical wisdoms we'd do better to understand that our Europe was created by the German princes in the process of their unification. And therefore that today, France, Poland, Hungary, are nothing more than "Länder". And, in its desire to "fara da se", Italy already presupposes future Axis forces.

Q Rhyming equality with shit?

A Our is the sign of it. The only behavior in which animals and human inhabit an equality - chamberpot, seat, chairs, etc,

Q Static shots only?

A The chemist doesn't do tracking shots in front of his microscope nor petrol companies when drilling into the sea bed.

Q And the face of the Other?

A Unfortunately for him, the philosopher Levinas didn't walk on the battlefield with a camcorder and its inversable mirror.

Q Blogs and SMS?

A In a way, behind this young thinking similar to an earthworm, one thing matters to all these passionate Phoenixes: to survive and find in the depths of chaos a

chance to resurrect (cf. Prigogine).

Q Politics again?

A Yes, as modern democracies, by rendering politics a domain of separate thought, are predisposed to totalitarianism.

Q ix plus three equals one?

A Not an Einstein-style formula, a metaphor at the apex and the roots of all editing. If financial, for example, it allows the current debt of Greece to be brought near the hordes of German tourists. In Montesquieu's phrase: when finance is privileged, the State is lost.

Q And images?

A The old magus Bachelard spoke about implicit and explicit images. We might cite Jules Renard's image of silence: snow falling on the water.

Q A vision of the future?

A Even with Final Cut, the most humble or most arrogant of editors is in prison, bound to the past as to the future and must deal with it for the present. Only cinema reproduces this human work.

Q A last film?

A Nothing more than a title: «Farewell to Language».

STUFF AND DOUGH (MARFA SI BANII)

MOSCOW EUPHORIA - FIPRESCI CHOICE

Dir. Cristi Puiu

Few people will argue that the "Romanian new wave" has become a major phenomenon in the European cinema of the 2000s. The exact moment of its beginning is debatable. For a more or less general public it is the triumph in Cannes of Cristian Mungiu's "4 Months, 3 Weeks and 2 Days". For more refined cinephiles it is "The Death of Mr. Lazarescu" by Cristi Puiu. But very few will know that the beginning was the previous film by

the same director "Stuff and Dough". It is a real rarity, you can't find it on DVD even in Romania itself, but it has been brought to the MIFF. The 34-year-old scriptwriter and artist Cristi Puiu decided to make his debut in cinema. He was the first among his colleagues to realize that there was nothing to lose: the industry lay in ruins, there was no distribution and no hope for government aid. The way out lays in the austere structure where every absence (of money, professional actors, scenery etc.) could be turned into an asset. "Stuff and Dough" was not yet a revolution, but the movie prepared it. The film brought Puiu awards at secondary festivals (Thessaloniki, Cottbus, Buenos Aires, Angers) paving the way to the Cannes and Berlin. It was the testing ground for the principal actors of the Romanian "new wave" Dragos Bucur ("Boogie", "Police, Adjective"), Razvan Vasilescu ("California Dreamin'", "Niki and Flo") and Luminita Gheorghiu ("The Death of Mr. Lazarescu", "4 Months, 3 Weeks and 2 Days", "12:08 East of Bucharest").

In "The Death of Mr. Lazarescu" citizens of modern Bucharest walk through circles of common hell, they are Dante and Virgil. The main character of "Stuff and Dough" Ovidiu is an unremarkable guy from the provinces. The only change he hopes for is to move away from his troublesome parents and open his own "small business". But he needs some initial capital to open a commercial stall. He can make the money if he agrees to render a service to the local criminal authority, an old friend of the family. He suggests that Ovidiu should take a bag of "medicines" to the capital, where he is to hand it over to a certain man, and promises to pay a considerable amount of money. There are some conditions, though. Not to stop on the way, not to give lifts, not to talk about the mission, not to hand the bag to anybody. But, as things go, all the commandments will be broken.

Usually in movies with similar plotlines the violation of rules is the privilege of the characters; the authors for their part follow the rules of the plot and punish the violators. But not Cristi Puiu. Every turn in the plot is a sham, he takes to pieces the dictates of the genre. "Stuff and Dough" is the opposite of the road movie. While in American road movies the routine and dreary progress towards the final destination is merely a background for the action, in this case there is no action at all. Instead we get meaningless chatter of several youths, who have got into a plight through their own fault and are now awaiting retribution (together with the audience). There is nothing but the road; the starting point, the destination, the mission, the dough and money become meaningless. Suspense is born of nothing and holds fast till the very end, when the fable concludes with an unexpected piece of morality. At this moment the spectacle, which has seemed tedious and pointless, suddenly becomes a brilliant film.

Anton Dolin

МОСКОВСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КИНО
ФЕСТИВАЛЬ
17.08 - 21.08.2010

МОСКОВСКИЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ. ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ. ГОД 1983

13-й Московский кинофестиваль.

Рассказывает фотограф Игорь Гневашев:

«Инна Чурикова и Глеб Панфилов получали приз за фильм «Васса» - там было сложно фотографировать, вокруг была толпа журналистов. Я же старался снимать максимально деликатно. Для меня было очень важно, что мы давно знакомы, я очень хорошо к ним отношусь, поэтому они были не очередные объекты для съемок, а очень дорогие для меня люди».

MIFF. FLASHBACKS. 1983

The 13th Moscow Film Festival. Photographer Igor Gnevashev:

"Inna Churikova and Gleb Panfilov were receiving prize for their film "Vassa"- it wasn't easy to shoot there, because there were many photographers around. And I've tried to take pictures in the most delicate way possible. It was also important for me that we had known each other for a long time, I like them very much, that's why they weren't just some objects of shooting, for me they were very special people".

22 ИЮНЯ / JUNE, 22			
9:00	Миссия Лондон / <i>Mission London</i>	Художественный, 1	107
11:40	Последний донос на Анну / <i>The last report on Anna</i>	Художественный, 1	103
13:00	Безумная жизнь / <i>La Vida loca</i>	Октябрь, 5	94
14:15	Воробей / <i>Sparrow</i>	Художественный, 1	90
14:45	Мачука / <i>Machuca</i>	Октябрь, 6	121
15:00	Мост через реку Квай / <i>The Bridge on the river Kwai</i>	Октябрь, 4	161
15:00	Рестрепо / <i>Restrepo</i>	Октябрь, 5	70
15:15	Это создали Кучары / <i>It came from Kuchar</i>	Октябрь, 9	86
15:30	Следы на песке / <i>Stůpki v pyasůka</i>	Октябрь, 8	87
16:00	Берлин. Боксгагенер Платц / <i>Boxhagener Platz</i>	Октябрь, 1	103
16:00	Похороненная страна / <i>Buried Land</i>	Октябрь, 2	86
16:00	Через кладбище / <i>Through the graveyard</i>	Октябрь, 3	83
16:30	Вниз по течению / <i>A la deriva</i>	Октябрь, 7	98
16:30	Лавка господина Линя / <i>Lin Jia Pu zi</i>	Октябрь, 10	103
16:45	Дикие травы / <i>Les herbes folles</i>	Художественный, 1	104
17:00	От Арарата до Сиона / <i>Araratits' Sion</i>	Октябрь, 5	72
17:15	Дневник военнослужащей / <i>Nweobweongsauj sugi</i>	Октябрь, 9	91
17:15	Отче наш / <i>Padre nuestro</i>	Октябрь, 6	105
17:30	Фильм социализм / <i>Film socialism</i>	Октябрь, 8	101
18:00	Раз, два, три, четыре, семь / <i>7X - Lika barn leka bäst</i>	Октябрь, 2	97
18:30	В сердце лжи / <i>Au Coeur du mensonge</i>	Октябрь, 4	103
18:30	Ливень / <i>Hard rain</i>	Октябрь, 3	77
18:30	Плохой день для рыбалки / <i>Mal dia para pescar</i>	Октябрь, 7	100
18:40	Прогульщики / <i>Quchis dgeebi</i>	Художественный, 1	86
19:00	Дорогая Элис / <i>För kärleken</i>	Октябрь, 1	93
19:20	Неоконченный фильм / <i>Shtikat Haarchion</i>	Октябрь, 5	88
19:30	Таксист / <i>Taxi driver</i>	Октябрь, 9	114
19:45	Ливан / <i>Lebanon</i>	Октябрь, 8	93
19:45	Протектор / <i>Protektor</i>	Октябрь, 6	98
20:45	Сосед / <i>El hombre de al lado</i>	Октябрь, 7	103
21:00	Реверс / <i>Rewers</i>	Октябрь, 2	99
21:00	Женщина с пятью слонами / <i>Die Frau mit den 5 Elefanten</i>	Октябрь, 5	94
21:20	Допрос / <i>Kuulustelu</i>	Художественный, 1	110
21:30	Селекция / <i>Selection</i>	Октябрь, 11	73
21:30	Иди и смотри / <i>Come and see</i>	Октябрь, 4	140
22:00	Туннель, Заводская девчонка, Игра, Бумага, Разделение, Не забудь меня / <i>The Tunnel, Factory Girl, Igra, Paper, Separation, Forget Me Not</i>	Октябрь, 8	90
22:00	На несколько долларов больше / <i>Per qualche dollaro in più</i>	Октябрь, 6	132
22:30	Товар и деньги / <i>Marfa si banii</i>	Октябрь, 9	90
23:00	Столкновение / <i>Bay Rong</i>	Октябрь, 7	90

23 ИЮНЯ / JUNE, 23			
9:10	Не сходи с ума / <i>Deli deli olma</i>	Художественный, 1	95
11:10	Красный лед. Saga о хантах Югры / <i>Red ice. Tale of Ugra Hunts</i>	Художественный, 1	100

13:50	Албанец / <i>Der Albaner</i>	Художественный, 1	105
14:00	Богиня / <i>Shen Nu</i>	Октябрь, 10	90
14:20	До востребования, Химиотерапия / <i>Poste Restante, Chemia</i>	Октябрь, 5	72
15:00	Горит ли Париж? / <i>Paris brule-t-il?</i>	Октябрь, 4	160
15:00	Отче наш / <i>Padre nuestro</i>	Октябрь, 6	105
15:15	Двое на волне / <i>Deux de la Vague</i>	Октябрь, 9	90
15:30	Как Рай земной / <i>Zemský ráj to na pohled</i>	Октябрь, 8	114
16:00	Раз, два, три, четыре, семь / <i>7X - lika barn leka bäst</i>	Октябрь, 2	97
16:00	Лермонтов / <i>Lermontov</i>	Октябрь, 3	80
16:00	Фильм-просвещение / <i>Gye-mong Young-hwa</i>	Октябрь, 7	120
16:20	Женщина с пятью слонами / <i>Die Frau mit den 5 Elefanten</i>	Октябрь, 5	94
16:30	Сотовый Зтеелефон / <i>Shou ji</i>	Октябрь, 10	102
16:30	Любовь и другие демоны / <i>Del amor y otros demonios</i>	Художественный, 1	90
17:15	Безумец Пьеро / <i>Pierrot le fou</i>	Октябрь, 9	110
17:15	Поместье / <i>Domaine</i>	Октябрь, 6	110
17:15	Последний донос на Анну / <i>The last report on Anna</i>	Октябрь, 1	103
18:00	Кинопоезд: Бишкек-Москва / <i>Cinetrain: Bishkek-Moscow</i>	Октябрь, 8	60
18:00	Евразиец / <i>Indigène d'Eurasie</i>	Октябрь, 2	107
18:20	Танец: Балет Парижской оперы / <i>La Danse - Le Ballet de l'Opéra de Paris</i>	Октябрь, 5	159
18:30	Происхождение / <i>Creation</i>	Октябрь, 7	108
18:30	Комиссары / <i>Comissars</i>	Октябрь, 3	78
18:50	Розочка / <i>Rózyczka</i>	Художественный, 1	118
19:00	Ад / <i>Lenfer</i>	Октябрь, 4	100
19:30	Безухий / <i>Desorejado</i>	Октябрь, 11	90
19:30	Шанс / <i>Chance</i>	Октябрь, 6	90
20:00	Воробей / <i>Sparrow</i>	Октябрь, 1	90
20:00	Сделано в США / <i>Madeinusa</i>	Октябрь, 9	100
20:15	Дикие травы / <i>Les herbes folles</i>	Октябрь, 8	104
20:45	Прогульщики / <i>Quchis dgeebi</i>	Октябрь, 7	86
21:00	Миссия Лондон / <i>Mission London</i>	Октябрь, 2	107
21:30	Страна мухоморов / <i>The land of fly-agarics</i>	Октябрь, 11	70
21:30	Хороший, плохой, злой / <i>Il buono, il brutto, il cattivo</i>	Октябрь, 6	161
21:30	Исчезновение Джулии / <i>Giulias Verschwinden</i>	Художественный, 1	87
21:45	Последний сценарий / <i>El ultimo Guion</i>	Октябрь, 5	113
22:00	За наших любимых / <i>À nos amours</i>	Октябрь, 4	95
22:30	N.A.S.A. "A Volta", В реале, Абрикос, Эдип, Пластилин, Ничего / <i>N.A.S.A "A Volta", Real, Apricot, Oedipus, Plastacine, Nine De Rein</i>	Октябрь, 8	90
22:30	Океаны / <i>Oceans</i>	Октябрь, 1	84
22:45	Пятый элемент / <i>The fifth Element</i>	Октябрь, 9	126
23:00	Пхачжу / <i>Paju</i>	Октябрь, 7	110
23:00	Копия верна / <i>Copie conforme</i>	Октябрь, 2	106

 Пресс-показы

32 МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ ПРОВОДИТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
32 MOSCOW INTERNATIONAL FILM FESTIVAL IS HELD WITH THE SUPPORT
OF THE MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

СПОНСОРЫ 32 ММКФ / 32 MIFF SPONSORS

